

ИНТЕРВЬЮ

Лев ДУРОВ:

«ОБНАРУЖИТЬ НЕОТКРЫТОЕ»

Заслуженного артиста РСФСР Льва Константиновича Дурова знают почти все. Перед любителями театра при его имени сразу возникают образы Жевакина в «Женитьбе», Яго — в «Отелло», Кузьма — в «Занавесах» Варфаламеева. Актер обладает удивительной способностью заставить по-новому жить уже известный образ и сделать незнакомого и почти незаметного героя таким живым, что зрители начинают невольно задумываться над его прошлым, пытаются представить себе его будущее — вот эта способность всегда казалась мне волшебством.

— Скажите, Лев Константинович, не подсматриваете ли вы свои типаж?

— Вероятно, есть актеры, которые действительно «ловят жесты на улице». Я не занимаюсь этим специально. Если и запоминаю что-то из увиденного, то произвольно. Всегда пытаюсь мысленно прорисовать для себя образ. Идешь от существа роли, пытаешься увидеть и раскрыть ее по-своему.

Вот, например, Яго. Он — пружина интриги, он негодяй, способный на любую подлость и поэтому постоянно ожидающий подлости от кого-то другого. Его невозможно играть расслабленным, усвоенным. Рождается образ человека, который настороже, и отсюда невольно порывистая, пружинистая походка и напряженность в движениях.

А другой герой — одинокий, беззащитный (я имею в виду Жевакина из «Женитьбы»). Разговаривая, он прячет руки за спину. Ему уже давно никто не подавал руки, и сам он как бы боится это сделать. В жизни я не видел, как, боясь быть обиженным, человек прячет руки или какой походкой ходит негодяй, но знаю, что можно вести себя и так.

Мне кажется, интереснее думать о человеке, может быть, даже придумать его, чем просто сделать слепок с кого-то.

— Среди всего множества сыгранных вами ролей есть уже два гоголевских персонажа. Вероятно, с про-

изведениями Гоголя работать сложно. Для этого нужно не только хорошо понимать их, но и любить. Как происходило знакомство с его произведениями?

— Для меня Гоголь начинался, как и для многих других, с хрестоматийной «Птицы-тройки».

Любовь пришла позже, уже в зрелые годы, и мое участие в спектаклях, поставленных по Гоголю, способствовало этой любви. Ведь Гоголь неоднозначен! Эфрос ставил «Женитьбу», которую раньше играли как водевиль по его словам, ближе к «Шинели», чем к водевилю. Ну что тут веселого, если человек семнадцатый раз сватается, а ему отказывают. А он не понимает почему. Тем более что этот человек добрый, мягкий, податливый. Другое дело, что он сам в чем-то ограничен, не понимает, что он не может быть предметом любви многих женщин. Но тем не менее человек сохраняет же в себе какую-то надежду, а когда надежда рушится, это драма... А невеста — это оди-

нокая женщина, и все женихи, окружающие ее, тоже одиноки. Это драматическая коллизия. Во всяком случае, наш театр ее увидел так.

На «Мертвые души» мы тоже попытались взглянуть по-иному. Инсценировка Балласного очень сложная, но думаю, что близкая духу поэмы. Судьба автора, муки творчества, столкновение автора с героями и со своим временем, — все это чрезвычайно интересно современному зрителю.

Нам с Эфросом хотелось обнаружить что-то неоткрытое, даже если хотите, драматическое и в Ноздреве. Человек — очень сложная структура. Если применить сравнение в духе нынешней эпохи НТР, человек — сложный генератор. Но один генератор вырабатывает энергию, которая кому-то нужна, которая приносит пользу. А Ноздрев — это генератор, вырабатывающий, ну, скажем, опилки. Но почему? От одиночества, от беспринципности, от безыдейности. Он не знает, куда девать свою бестолковую энергию. По-

этому и навязывает себя всем. Ноздрев заполняет свое одиночество кипучей бесполезностью. Он деятелен, даже навязчиво деятелен. Эдакий ветряк без жерновов. Его появление всегда оканчивается скандалом, он всегда «вылетает» без одной бакенбарды, которая у него быстро отрастает. Но он не лешен и обаяния. Ведь не всякий человек обладает таким жизненным азартом, как он. Только вот куда идет эта сила? Вот в чем трагедия.

— Лев Константинович, сейчас перед моими сверстниками встает вопрос, который в свое время вы счастливо решили — кем быть? Не могли бы вы рассказать, как выбрали профессию?

— В детстве многие мечтают стать актерами. Я же как раз не хотел, думал, что буду работать на заводе. Потом случайно мой друг застал меня в Доме пионеров Бауманского района, тот, что на Спартаковской площади. Я три года прозанимался в драматическом кружке. Както само собой получилось,

пошел сдавать в театральное училище, и меня приняли. Закончил училище, потом работал в Детском театре, в Театре Ленинского комсомола и вот здесь, на Малой Бронной.

Если говорить о выборе профессии как таковой, то я считаю, что в любом деле можно быть потребителем, а можно быть создателем. Всякий человек может найти счастье в работе, если он знает, для чего делается эта работа. Вот, например, пожарный. Если он просто выливает воду на пламя — это автоматическое исполнение обязанностей, а если он будет сознавать, что он спасает людей или спасает исторический памятник, или просто дом, нужные кому-то вещи, то он и ощущать себя будет совсем иначе. Не просто — пожарный, а — ПОЖАРНЫЙ. И вернувшись с работы, он будет гордым и счастливым, как актер после удачной премьеры. В любой профессии можно найти свой человеческий долг и призвание.

С. ФИШ.